

Оглавление

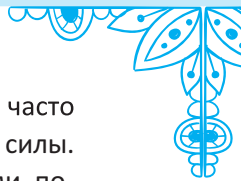
Введение	11
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	65
Глава 8	77
Глава 9	90
Глава 10	98
Глава 11	104
Глава 12	112
Глава 13	125
Глава 14	133
Глава 15	138
Глава 16	143
Глава 17	151
Глава 18	160
Глава 19	167
Глава 20	170
Эпизод	177

Введение

Шиваистский тантризм Кашмира занимает важное место в истории мысли. Это мистическое, научное и художественное движение дравидийской культуры, возникшее семь тысяч лет назад в долине Инда, охватывает весь человеческий потенциал и отводит особое место адепту, который полностью посвятил себя этому пути познания. Вероятно, тантризм это единственная древняя философия, которая пережила все исторические потрясения, вторжения и влияния и пришла к нам в целостности и сохранности путем непрерывной передачи от учителя к ученику, а также единственная, сохранившая образ Великой Богини, не перераспределив власть между женщиной и мужчиной в пользу последнего. Великие женщины-учителя основали целые линии преемственности, и до сих пор многочисленные йогини пере-

дают эту вековую мудрость. Великие мужчины-учителя часто использовали обычай инициации учениц для получения силы.

Дравиды, которые были хорошими мореплавателями, построили великие города Мохенджо-Даро и Хараппа. Их цивилизация простиралась от долины Инда, на территории современного Пакистана, до Красного и Средиземного морей. Вторжение арийских племен с Украины три тысячи лет назад положило конец дравидийской цивилизации, но мощное мистическое движение, лежащее в ее основе, сохранилось. Учителя тайно покинули захваченные цитадели и поселились в сельской местности и в труднодоступных местах по всем Гималаям.

Шиваистский тантризм вновь открыто появился в начале IV века н. э. в Кашмире, расположенном на перекрестке великих культурных и торговых путей. Кашмир был частью таинственной страны Уддияны, расположенной между Афганистаном, Индией и Пакистаном. Ее долины раскинулись по берегам реки Сват, места рождения многочисленных махасиддхов и дакини, великих тантрических инициаторов, которые распространяли учение по всей Индии, Непалу, Китаю и Тибету.

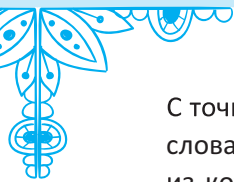

Шива и Шакти, неразлучная божественная пара, являются богами экстатического танца и создателями йоги, которая позволяет adeptам находить божественное в глубине собственного разума, открывая сердце.

На Западе обычно воспринимают Вселенную, основываясь на двойственности: вначале «отделил Бог свет от тьмы» (Бытие 1:3). Важно понять, что тантризм не предполагает никакого разделения на свет и тьму, людей и богов. Он не двойственен.

С точки зрения тантризма разум, по сути, просветлен. Иными словами, разум вмещает всю божественность. Это источник, из которого все рождается и к которому все возвращается: все явления, все различия, все мифические и божественные существа, все священные тексты, все учения, все иллюзорные двойственности. И цель тантристов состоит в том, чтобы освободиться от иллюзорных неясностей, из которых возникает эго, порождающее эти различия. Так адепты тантризма осознают собственную природу в сущности чистого разума.

В рамках дуалистического мышления мы представляем Бога вне нас и направляем желание единения вовне. При отсутствии двойственности духовный поиск идет в обратном направлении. Мистическая энергия направлена внутрь, обращена к разуму. Осознание природы разума, таким образом, является высшим достижением. Согласно этой концепции огонь страсти больше не считается несовместимым с мистической жизнью. Тантрист стремится познать и пробудить энергию, скрытую в теле, и пламя этого великого пожара растворяет эго.

Излишне говорить, что широко распространенное представление, согласно которому тантризм сводится к неким сексуальным техникам чудесного освобождения под видом духовности, не имеет ничего общего с шиваизмом. Такие практики неэффективны, так как не основаны на истинном аскетизме йоги, который базируется на овладении техниками дыхания и телесной осознанности, а также на достижении состояния ясности и пустоты. В лучшем случае подобные практики являются лишь безвредными девиациями, если речь не идет о манипуляции.

Тантризм — это путь абсолютной любви, который дает свободу быть самим собой.

Хочу рассказать историю моей встречи с великой йогиней и знакомства с ее учением — и поделиться этим чудесным опытом.

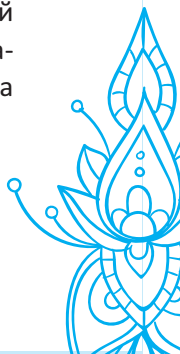

Глава 1

Ее темная кожа благоухала и была умощена маслами, казалось, что йогиня плыла в пространстве, ноги ее были расставлены v-образно, лицо ее светилось. Ее открытые половые органы, где все зарождается и куда все возвращается, излучали золотистый свет, гармонично сочетающийся с синевой неба. Я по-прежнему зачарованно сидел рядом с китайским йогом, который пригласил меня в свое жилище. Йогиня, его спутница, одновременно близкая и далекая, тело и дух, сила и дар, восседающая в йогической позе, была воплощением необычайного потенциала.

Этот йог практиковал тантризм и чань-буддизм, или дзен-буддизм китайского происхождения, следуя примеру индийского учителя шестого века Бодхидхармы, продолжателя этих двух линий. Двадцать восьмой патриарх после Будды и первый патриарх дзен-буддизма Бодхидхарма

прибыл в Китай морем и обосновался в знаменитом монастыре Шаолинь, где он провел девять лет, медитируя перед каменной стеной, прежде чем передать дхарму (учение) Хуэй-кэ, второму китайскому патриарху.

Диалог между Бодхидхармой и китайским императором У из династии Лян, защитником буддизма, который был озадачен лаконичными ответами первого патриарха, до сих пор хорошо известен:

- Какую добродетель я приобрел, поддерживая буддизм и строя так много храмов?
- Никакой.
- Каков высший смысл священной истины?
- Ничто не священо. Все пусто.
- Кто стоит передо мной?
- Я не знаю.

Учение Бодхидхармы основано на четырех принципах.

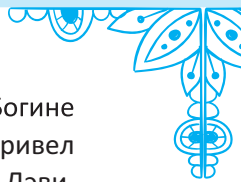
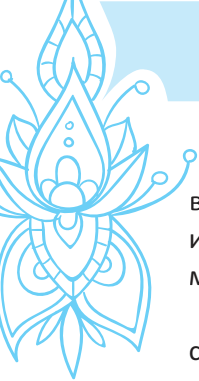
- *Прямая передача, кроме буддийских писаний.*
- *Опора не на тексты, а на опыт пробуждения.*
- *Открытие каждому ученику природы его разума.*
- *Созерцание своей истинной природы, которая является природой Будды.*

Мы можем видеть, что эти четыре основных постулата соответствуют учениям тантрического шиваизма, которые являются их источником.

Когда я уезжал, хозяин передал мне копию своего комментария и перевода Виджняна-бхайрава-тантры, одного из самых древних и глубоких тантрических текстов, высоко ценимых ши-

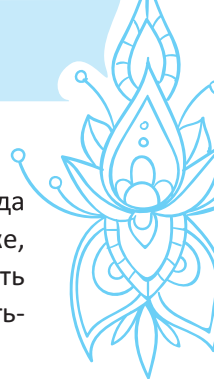
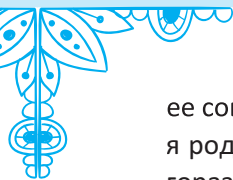

ваитами. Эта тантра позволила мне узнать о Великой Богине и пути, который семь лет спустя в другой части Индии привел меня к встрече с моим учителем, шиваистской йогиней Дэви.

Мой интерес к буддизму, индуизму и тантризму проявился очень рано. Обучаясь в суровом протестантском аббатстве у подножия высокой скалы, я открыл для себя великолепие религиозных служб и увлекся ими. Там я иногда служил в малиновом одеянии, отделанном кружевом. Местный епископ, сказочные сокровища, подаренные аббатству Карлом Великим, фантастически талантливый органист и превосходный хор, частью которого стал я сам, пленили меня с самого начала. Очень строгие занятия и месса в 6:30 каждое утро, а затем полчаса работы перед завтраком — это то, что было необходимо для выработки моего характера. Телесные наказания все еще практиковались — набор различных пыток, таких как стояние на коленях в течение часа со скрещенными руками и словарем в каждой руке. Иногда в свободное время нас заставляли бесконечными часами переписывать тексты латинских авторов или страницы из словаря «Малый Ларусс». По ночам мы молча выходили из огромных спален и устраивали странные встречи на крышах, куда приходили покурить и поговорить о любви. В таких местах мы чувствовали жуткое одиночество и невыносимую нехватку любви; бывали попытки самоубийства, вынужденные откровения, кровавые драки, от которых у меня до сих пор остались шрамы, и грязные любовные истории. Тем не менее непревзойденное мастерство учителей, их религиозное рвение, личность директора, который носился на мотоцикле в развевающейся на ветру сутане, и общая атмосфера места пленили меня.

В тот период подруга моих родителей, красивая и бунтарская художница, которая была немного похожа на Аву Гарднер и ездила на красной «Альфа Ромео», начала поощрять мою страсть к искусству вообще и живописи в частности. По

ее совету я занялся рисованием. Вернувшись в Женеву, откуда я родом, продолжил учебу в другом религиозном колледже, гораздо менее строгом, хотя один из учителей любил давать нам «динамо» — устройство, которое могло мощно взрываться, хотя и считалось безвредным.

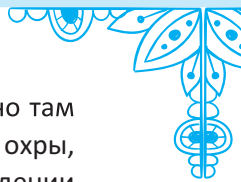
Я мог приезжать к родителям каждые выходные и пользовался этой возможностью, чтобы навещать свою наставницу и часами говорить с ней о живописи, музыке и литературе. Я был безумно влюблен в нее.

На мой шестнадцатый день рождения она пригласила меня на ужин в роскошный ресторан. Сидя в больших удобных креслах, мы ужинали при свечах. Я думал только о том, как признаться ей в любви. В тот вечер она дала мне прочесть Бхагавад-Гиту, один из ключевых индуистских текстов, с комментарием Шри Ауробиндо, великого мудреца, на которого тантризм оказал глубокое влияние. Этот «духовный» подарок только раздул пламя. И мое сердце стало напоминать один из трех лотосов, изображенных на шафрановой суперобложке этого бесценного собрания мудрости, многие книги которого я впоследствии открыл для себя.

Что касается моей страсти, то она осталась тайной. В качестве утешения позже я получил доступ к пятитомнику «Жизнь божественная», главной работе этого великого индийского философа. Затем, все еще тайно влюбленный, я получил трехтомник Д. Т. Судзуки «Очерки по дзен-буддизму». Теперь моей единственной страстью было стать мистиком. Мне помогли в этом священники. Дважды они конфисковали мои книги Ауробиндо, которые я немедленно купил снова. Если бы не они, разве стал бы я с таким упорством цепляться за эти сложные книги?

Спустя некоторое время моя любовь уговорила меня сдать конкурсный экзамен в римскую Академию изящных искусств, и я выиграл стипендию. В Риме я познакомился с молодой

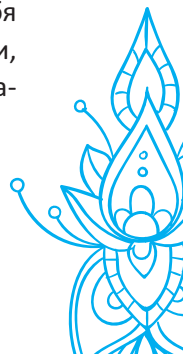
актрисой из труппы Кармело Бене и влюбился. Именно там я почувствовал вкус полной свободы в чудесных цветах охры, садах, фонтанах, ароматах сосен и эвкалиптов и возбуждении толпы, когда друг с другом встречаются художники из всех стран мира. Это была та жизнь, о которой я мечтал холодными ночами в годы учебы в аббатстве. Тогда, в душной атмосфере деревни, я чувствовал себя как в замкнутом пространстве.

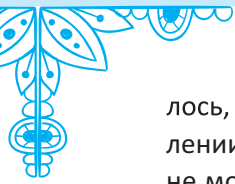
Конечно, я привез с собой любимые книги, совершенно потрепанные, и тщетно пытался совместить чудесную, неистовую жизнь с уроками мудрости великих учителей дзен-буддизма. Я испытал сильную разрушительную страсть, а затем — более гармоничную любовь. Я покинул Рим, чтобы поселиться в Сперлонге, маленькой белой деревушке, возвышавшейся над морем, и, забросив живопись, начал работать над своим первым романом.

Покинув римскую Академию изящных искусств, я познакомился с художественным редактором Альберто Скирой. Я был восхищен тибетской живописью и предложил ему издать книгу. Скира, впечатленный моим энтузиазмом, сравнимым только с моим невежеством, заставил меня взять несколько уроков художественной фотографии.

Подобрав необходимое оборудование, я отправился в Индию фотографировать картины. Я даже решил найти способ примирить свой фантастический аппетит к жизни с практикой мудрости, чего я не мог добиться одним лишь чтением, и эта проблема держала меня в состоянии постоянного дисбаланса. Моя страстная чувственная жажда не могла прийти в равновесие с духовными устремлениями. Я постоянно разрывался между духом и плотью и не понимал, как достичь полностью очаровавшей меня безмятежности, уходящей корнями глубоко в жизненную реальность.

Похоже, в душе я не был аскетом. Я не мог представить себя живущим в пещере. Я хотел всего: красоты, искусства, плоти, ярких эмоций, любви, чувственности и духовности. Мне каза-

лось, что наша система западной мысли, основанная на разделении, жертве, первородном грехе, чувстве вины и страдании, не могла оправдать моих ожиданий, несмотря на блестящие мысли, которые я обнаружил у греческих философов досократического периода и некоторых христианских мистиков.

Осенью 1968 года я прибыл в зеленые предгорья Гималаев. Мне было двадцать три года. Я искал учителя, который мог бы помочь мне проникнуть туда, куда священные тексты и интеллектуальные поиски больше не могли вести меня. Я искал способ объединить все мои стремления и изыскания, а также использовать поразительную энергию страсти в сочетании с божественным.

Я наивно выделил себе целый год на интенсивную практику и решил позволить Шакти вести меня к тому, кто поможет проникнуть в суть тантрического учения. Я и не подозревал, что этот путь займет четверть века. Двадцать пять лет, в течение которых я буду задавать вопросы, мечтать, упражняться, переживать успех и неудачи, страдать и радоваться, а затем наконец брошу все, что в 1993 году неожиданно выльется в то, что я не представлял возможным: посвящение в махамудру и открытие сердца.

Махамудра, или «Великая печать», является последней инициацией школы тибетского буддизма Кагью, в ходе которой учитель показывает ученику природу его истинного разума и передает ему способность непосредственного понимания.

Если этот процесс проходит успешно, то это не-метод (анупайя) в противоположность всем постепенным стадиям и предварительным посвящениям. Как только природа разума осознана, больше нет никакого дуализма и, следовательно, нет никакого метода, никакой цели, и больше ничего не нужно делать, кроме как позволять всему быть, сохраняя разум в его естественном состоянии — спокойном, пробужденном, божественном.